

УДК 94 (476)

Е.А. Бурик

*канд. ист. наук, декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: burik-@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В 1939–1941 гг.

Статья посвящена проблемам восточного Полесья, расположенного на территории современной Брестской области, как приграничного региона в 1939–1941 гг. Его специфика в данный период постепенно нивелировалась под установленный советский стандарт, что практически удалось сделать в канун Великой Отечественной войны.

Введение

Приграничье – регион, специфический во многих отношениях. Его развитие определяется целым рядом параметров, которые не применимы к регионам внутренним, поэтому их изучение всегда представляет особый интерес для исследователя.

Территория Восточного Полесья применительно к Западной Беларуси охватывала территорию нынешних районов Брестской области: Столинского, Лунинецкого, Пинского, Ганцевичского. Три из этих районов, кроме Пинского, находились в полосе пограничья II Речи Посполитой и СССР. После включения Западной Беларуси в состав БССР приграничный статус районов практически не изменился, потому что, основав и оборудовав новую границу СССР и БССР по реке Западный Буг, руководство страны оставило практически в неизменном виде «старую» границу. Население районов оказалось в своеобразном положении, при котором свободных контактов с Восточной Беларусью еще не было. Пересекать «старую» границу люди могли лишь по спецразрешениям, находясь в командировках или навещая родных, для подтверждения чего требовалось наличие соответствующих документов. Жители старого приграничья продолжали жить как прежде: занимались контрабандой и нелегально переходили границу по различным надобностям. Это представляло для структур власти постоянный источник беспокойства.

Объектом рассмотрения проблем Восточного Полесья в период между 1939 и 1941 гг. в данной статье выступает Ганцевичский район, поскольку архивные документы, освещающие данный период, в наиболее полном объеме сохранились именно по этому району, и он является типичным среди таких же районов Полесья.

Специфика политической жизни

В условиях сложнейшей политической жизни в Западной Беларуси в 1920–1930-х гг. главной опорой руководства II Речи Посполитой могло быть преимущественно польское население, являвшееся на тот момент титульным. Весь межвоенный период количество поляков в регионе постепенно росло. К числу главных причин такого положения можно отнести приграничный статус данного региона: Восточное Полесье примыкало к советско-польской границе. Здесь с 1921 по 1926 г. фактически шла необъявленная война польских властей и красных партизан, а также затягивался процесс демаркации советско-польской границы [1, с. 187]. В этих условиях властям было необходимо как можно плотнее заселить регион лояльными гражданами. Поэтому здесь активно размещали осадников, служащих лесной охраны, представителей чиновничества и интелли-

генции польской национальности. Их отношение к местному населению было различным, но преобладало явное пренебрежение как к туземцам колониальной окраины. События осени 1939 г. внесли здесь существенные изменения.

После включения Западной Беларуси в состав БССР польское население внезапно утратило свой статус. Начались депортации и аресты. К сожалению, конкретные данные о судьбах польских чиновников, офицеров военных частей, представителей буржуазии и интеллигенции недоступны для исследования, однако достаточно и косвенных свидетельств репрессий. Уже весной 1940 г. в г. Ганцевичи и крупных селах образовался значительный свободный жилой фонд, куда размещали семьи советских работников, направленных сюда из восточных областей БССР и РСФСР. При этом он постоянно пополнялся. Вот слова бывшего директора совхоза «Огаревичи» в сапожной мастерской Ганцевичей: «Вот еще 30 домов под государство, и подобрать сброд. Чистку еще будут делать» (июнь 1940 г.) [2, л. 21]. Осенью 1939 г. был арестован помещик Опацкий, в имении которого и был создан упомянутый совхоз.

Некоторые представители еврейского населения в связи с изменениями в статусе региона начали оживленно общаться по обе стороны границы со своими родственниками и попадали в ситуации, которые могли рассматриваться не только как попытка контрабанды, но и идеологической диверсии. Так, один служащий пострадал за то, что провез мацу своим родственникам, отправившись к ним на побывку на восток БССР. Маца как элемент «контрреволюционный» и в восточных областях практически устраненный могла стать элементом «политического» дела в отношении данного человека.

Отсутствие прямых разрешенных контактов между регионами по обе стороны старой границы приводило к дефициту информации о востоке БССР у «западников» и, соответственно, о западе БССР у «восточников». Это порождало неизбежные слухи, большая часть которых была далека от действительности и вводила слушателей в заблуждение, подрывая политическую стабильность в регионе. Так, начальник местной милиции распространял слухи, что в колхозе д. Сесежево Краснослободского района (восток БССР) «народ забирает себе обратно прямо с поля возы, плуги, бороны» [3, л. 11]. И это наблюдалось в условиях, когда коллективизация в Ганцевичском районе и так проходила с очень большими трудностями.

Среди местного населения оставалось немало людей, так или иначе скомпрометировавших себя сотрудничеством с прежними властями и продолжавших провоцировать недовольство новой властью среди своих односельчан. О таких лицах местные жители говорили: «Они хотели уйти с поляками, но не успели». Из-за них попадали в польские тюрьмы местные жители, например, Марина Ерошеня, которая высказывала недовольство властью.

Некоторые архивные документы свидетельствуют о степени влияния таких людей на местных жителей, содержат анализ неудач в колхозном строительстве в ряде населенных пунктов района. Так, в одном из них говорится о бывших еще царских жандармах, избежавших ареста органами новой власти. Один из них ранее проживал в д. Красная Слобода, другой – в д. Гулевичи на территории Восточной Беларуси. Оба, опасаясь возмездия, бежали сюда из СССР при поляках. Местные активисты (секретарь Рожанского сельсовета Михаил Шумский и член сельсовета Михаил Ярошеня) докладывали в райком партии и про другие «чуждые элементы»: «балаховца» Владимира Занцевича (кстати, тоже из Красной Слободы), который сражался против Красной армии; Филиппа Григорьевича Бриля, «бывшего польского шпиона», который выдавал дефензиве революционеров, «бил палками людей открыто в присутствии других людей

и не давал гуляць молодежи»; руководителя Рожанской школы Василия Авдеевича Бобрика, «выведовца»; бывшего солтыса Стефана Ивановича Сечко, его брата Афанасия, тоже «выведовца», который при поляках перешел границу с целью убить одного советского работника, но сам попался в руки НКВД и был расстрелян в урочище Семище. Местные утверждали, что этих людей «все боятся, и их наличие сорвало создание колхоза» [4, л. 11].

Кроме этого, здесь также был выявлен ряд осадников. Один из них имел 300 га леса, много сенокоса, пашни и скота. Как утверждали местные жители, в его доме была «резиденция шпионов». Там некий офицер Василий Юженко неоднократно ходил на территорию СССР, приносил какие-то планы, разрабатывал их и давал задание своим работникам, что нужно делать в плане разведдеятельности. За эту работу поляки устроили Юженко на работу в Барановичский банк. Он же впоследствии женился на дочери упомянутого осадника, а внуки того «повыходили замуж за офицеров польской армии. Их дед прилюдно говорил, что здесь колхозы строить не нужно: в СССР быльняком позарастали поля» [4, л. 4].

К 1941 г. количество лиц, нелояльно относившихся к советской власти, неуклонно сокращалось. Причинами этого были не только репрессивные меры по отношению к таким людям, но и имевшиеся бесспорные успехи новой власти в сфере здравоохранения, образования и других аспектах социальной политики, а также активное вовлечение местного населения, и прежде всего молодежи, в общественную работу. Люди стали ощущать себя субъектами политической жизни и включились в ее дальнейшее строительство.

Проблемы нелегальной торговли

В приграничных регионах помимо официально разрешенных экономических контактов неизбежно появляются контакты теневые. Они обуславливаются дефицитом тех или иных товаров в данной местности или разницей цен на них в соседних государствах. До 1939 г. Ганцевичский район нелегально «поставлял» через «окна» на границе на восток Беларуси дефицитные там ткани и другие промышленные товары. С воссоединением Западной Беларуси и Восточной Беларуси в составе БССР в Ганцевичском районе постепенно начались перебои со снабжением некоторыми товарами. В торговой сети стали дефицитными соль, керосин, спички, галантерея. Вследствие этого здесь появился «черный рынок». Аппарат торговой системы Ганцевичского района был наводнен бывшими крупными частными торговцами и спекулянтами, особенно в Мальковичском сельпо [5, л. 33].

К фактам «продуктовой спекуляции» можно отнести торговые операции с мясом, которого не хватало на востоке республики. Его любыми способами перевозили на территорию восточных областей БССР в больших количествах. Иногда такие «торговые операции» выглядели не очень логично. Так, в августе 1940 г. житель д. Еськовици Денисковичского сельсовета Андрей Максимович Бертош купил в своей деревне лошадь, поменял ее в д. Маково на два быка, которых продал. Поехав с вырученными от продажи деньгами в Клецк (уже восток Беларуси), где купил на базаре кабана, которого забил и продал в своей деревне. Позже он пытался через своего брата Ивана получить у председателя сельсовета Денисени справку о праве на отправку быка на продажу, но председатель, зная сомнительного предпринимателя, такой справки не дал [6, л. 23].

Мясо стало на первых порах главным объектом вывоза из региона. Особо крупные партии периодически изымались пограничниками на «старой» границе. Мясо в за-

падных областях БССР в начале 1940 г. стоило 4 руб. и было очень качественным [7, л. 13]. На Востоке оно, как правило, стоило при продаже с рук в 3 раза дороже. Также среди вывозимых продовольственных товаров были сахар и мука. Жены некоторых партийных работников скупали продукты сразу из нескольких магазинов, в основном, сельпо. В г. Ганцевичи таким образом был выявлен заведующий райпотребсоюзом. Его жена занималась вывозом продовольствия, даже не скрывая данного факта. За это мужа в апреле 1940 г. ждала суровая проработка в райкоме партии, после которой он сделал соответствующие выводы. Его заместитель, также попавшийся на спекуляции, не внял предупреждениям и продолжал вывозить продовольствие. Осенью 1940 г. он был арестован и предан суду [8, с. 148].

Важным фактором распространения спекуляции и контрабанды стало специфическое положение региона, заключавшееся в том, что он оказался в своеобразном «резервате» между двух границ: «старой» и образовавшейся в 1939–1940 гг. Следует обратить внимание, этот «резерват» в августе 1940 г. пополнился за счет включенных в состав СССР республик Прибалтики. Сложившуюся ситуацию сразу использовали те, кто понял открывшиеся перед ними торговые возможности. Попавший в состав СССР в 1939–1940 гг. регион был для Польши отсталой периферией. Но это была европейская периферия с соответствующим уровнем жизни ее обитателей, обилием, качеством и происхождением промышленных товаров в магазинах, отсутствием проблем с продуктами питания, наличием их разнообразия. Пока товарное изобилие присоединенных территорий не прекратилось, происходило интенсивное вымывание оттуда товаров.

Ситуацию для спекулянтов облегчало то, что в регионе с осени 1939 г. был введен новый курс обмена валют: 5 польских злотых теперь обменивались на один советский рубль, хотя ранее курс был диаметрально противоположным. Обладатели советских денег получили возможность скупать промышленные товары в больших количествах [8, с. 147]. В основном ситуация использовалась теми, кто имел право пересекать старую границу регулярно в силу служебного положения, т.е. «восточники» – советские, партийные, хозяйственные и культурные работники, направленные в регион для проведения в жизнь политики новой власти. Основная масса присланных специалистов старалась соответствовать утвержденным правилам поведения для советских работников, направляемых в западные области БССР. Однако немало было и тех, кто свое служебное положение использовал корыстно. Необходимо отметить, что такие работники по решению соответствующих партийных и советских органов часто отправлялись обратно, на Восток, как «компрометирующие советскую власть». Должностные лица, работавшие на территории Ганцевичского района, получали возможность перемещаться по западному региону Беларуси, а с августа 1940 г. география их поездок расширилась в северо-западном направлении, т.е. в Прибалтику.

Документы, иллюстрирующие проблему спекуляции, сохранились плохо в силу того, что основная масса партийных документов была уничтожена в первые дни Великой Отечественной войны. Но документы Ганцевичского райкома партии, чудом уцелевшие в первые дни войны, позволяют представить ситуацию с товарным дефицитом в регионе.

Особый интерес у некоторых работников, приехавших в регион, вызывали промышленные товары [7, л. 9]. Руководство пыталось бороться с этим, однако его доводы доходили не для всех – периодически подвергались серьезным наказаниям чиновники, жены которых скупали ткани в особо крупных количествах. Местные жители комментировали это так: «И все им мало» [6, л. 72]. Источником крупных партий тканей, а так-

же модной одежды долгое время был г. Белосток. Его предприятия обеспечивали соответствующими товарами в регионе сеть магазинов сельпо. Командированные в г. Белосток специалисты, как правило, приобретали там товары в очень крупных размерах как для себя, так и для дальнейшей их реализации. Когда ресурсы Белостока стали иссякать, у спекулянтов открылся новый источник доходов – г. Вильно. Так, один заведующий клубом в Ганцевичском районе систематически отправлялся туда в командировки, где закупал чулки. Впоследствии он их перепродавал в районе по 40 руб. Иногда из г. Вильно он привозил одежду, которую также реализовывал по спекулятивным ценам [8, с. 148]. Также особенной популярностью пользовались привезенные оттуда кожаные пальто.

К весне 1941 г. в Вильно дефицитные товары закончились. Тогда из Прибалтики стали вывозить другие товары, в которых Полесье испытывало нехватку, в частности, обычную писчую бумагу. Лица, командированные туда за бумагой, часто закупали ее в больших объемах, чем это было указано в официальных документах [9, л. 26]. После реализации «налево» излишков часть бумаги оставалась в учреждении, потому что лимиты на нее были небольшими, а документооборот возрос. В начале лета 1941 г. для ведения делопроизводства пришлось использовать оборотную сторону старых польских бланков, чего в 1940 г. не наблюдалось.

К лету 1941 г. спекуляция в регионе постепенно исчезала по мере ликвидации источников происхождения дефицитных товаров.

Заключение

Таким образом, основными проблемами изучаемого региона в 1939–1941 гг. стали сложная политическая ситуация, а также наличие условий для занятия населением контрабандой и спекуляцией в крупных масштабах. Сложность политической ситуации заключалась в том, что в межвоенный период Восточное Полесье как приграничный с СССР регион интенсивно заселялся лицами, откровенно враждебными к советской власти. С включением Западной Беларуси в состав БССР данные лица стали представлять внутреннюю угрозу Советскому государству. Поэтому главная задача новой власти состояла в их эффективной нейтрализации.

На момент воссоединения Западной и Восточной Беларуси в составе БССР в данном регионе существовало огромное количество товаров, которые в восточных областях БССР были в дефиците. Это обстоятельство содействовало развитию здесь спекуляции и контрабанды. По мере закрепления в регионе новой власти и перехода местной экономики на установленные на востоке БССР условия и правила постепенно исчезал слой нелояльного населения, а также исчезли источники контрабанды. Регион нивелировался под единые общесоветские стандарты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 416 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 27.
3. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 41.
4. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 5.

6. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 7.

7. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.

8. Бодак, А. Ю. Проблема спекуляцый і контрабанды на Полесье в умовах змянення граніц в 1939–1940 гг. / А. Ю. Бодак // Інстытуцыйнальныя асновы трансгранічнага прадпрыемства = Podstawy instytucjonalne przedsiębiorczości transgranicznej / под ред. Т. Силюк, К. Сверчевской-Петрас, М. Пыры ; Гос. высш. шк. им. Папы Римского Иоанна Павла II, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Бяла-Подляска ; Брест, 2015. – Т. 2. – С. 146–149.

9. ГАБО. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 28.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2017

Burik E.A. The Specificity of the Cross-Border Situation of the Eastern Polesie in 1939–1941

The article is devoted to the problems of Eastern Polesie on the territory of the present Brest region as a border region in 1939–1941. Its specificity in this period was gradually leveled to the established Soviet standard, and it was practically possible to do it on the very eve of the Great Patriotic War.